

Когда слухи о бумажной мастерской успели разлететься по округе?

За это стоило благодарить директора Сюя.

Пусть уезд Шаоюань и считался глухой провинцией, Сюй Чэн, будучи директором уездного училища, не вел затворническую жизнь. Он принимал гостей, поддерживал связи с коллегами из других земель и регулярно посещал собрания литераторов.

Весной инспектор образования префектуры устроил поэтический вечер для государственных школ в главном городе префектуры. Сюй Чэн как раз незадолго до этого раздобыл бумагу превосходного качества и, недолго думая, прихватил её с собой.

Инспектор образования префектуры Нанькан, Хуан Юань, уже подготовил всё необходимое для изысканной поэтической забавы у «извилистого ручья». Он восседал на почетном месте во главе стола, а подле его руки дымилась чашка чая.

Каждую весну, едва завершались пахотные работы, инспектор префектуры Нанькан собирал у себя директоров училищ со всех подвластных уездов. На таких встречах директора делились опытом обучения начинающих грамоте, выслушивали новости из столицы, которые передавал инспектор, вели неспешные беседы и слагали стихи.

Обычно официальная часть не затягивалась. Инспектор Хуан не терпел долгих и нудных отчетов. Едва заслушав краткие доклады, он спешил перейти к главному событию дня — поэтическому состязанию.

Однако на сей раз начало поэтической части пришлось отложить.

Во-первых, уезд Пинцин остался без судьи. Делами там временно заправлял помощник судьи, поэтому директору местного училища пришлось подробно докладывать о положении дел в школе.

Во-вторых, в уезд Шаоюань назначили нового судью, который принялся за реформирование государственного училища с невиданным рвением, о чём также требовалось отчитаться.

В-третьих, в префектуру Нанькан прибыл новый префект. Хотя он пока не предпринимал никаких резких шагов, фигурой он был весьма значительной, и сбрасывать его со счетов не стоило.

Хуан Юань задумчиво смотрел на легкую рябь, бегущую по воде. Столько событий наложилось одно на другое... Спокойным денькам в префектуре Нанькан, похоже, пришел конец.

Впрочем, он тут же беззаботно рассудил.

"Мой век уже на исходе, одной ногой в могиле стою. Коли грянет буря, расхлебывать её придется молодым, меня же едва ли зацепит. Чего зря тревожиться? О грядущем подумаем завтра, а сегодня надобно радоваться празднеству!"

Инспектор Хуан, великий мастер находить душевное равновесие, одобрительно погладил бороду. Когда все директора расселись по своим местам, первый докладчик, сидевший по правую руку от него, начал свой отчет.

Жалобы звучали из года в год одни и те же: не хватает туши и бумаги, школы обветшали и требуют ремонта, а уездные судьи урезают пособия для учеников.

Слушая эти стенания, инспектор Хуан по привычке увиливал от прямых ответов, словно искусно уворачиваясь в поединке. Денег в казне префектуры вечно не доставало. Бумагу приходилось везти из префектуры Цинчжоу, тушь — из префектуры Чаочжоу. Первая стоила баснословно дорого, а вторую не получалось достать даже за золото без долгих месяцев ожидания. Словом, ответ на все просьбы оставался неизменным: ни средств, ни припасов выделить невозможно.

Наставники, конечно, роптали, но поделаться ничего не могли. Префектура едва оправилась после недавней смуты, и то, что жизнь вернулась в мирное русло, уже казалось чудом. Государь милостиво освободил всю провинцию от уплаты налогов серебром и зерном, не желая обременять народ, что принесло долгожданное облегчение.

Пока остальные директора вздыхали и сокрушенно качали головами, пришел черед выступать директору училища уезда Шаоюань.

Инспектор Хуан приободрился и сам спросил:

— Директор Сюй, до меня дошли слухи, будто судья Цзян затеял в вашем училище великие преобразования. Правда ли это?

Остальные директора дружно повернулись к Сюй Чэну. Этот человек, обычно ленивый и старавшийся переложить любые заботы на чужие плечи, сейчас прямо-таки светился от счастья. Он почтительно поднялся со своего места и ответил:

— Всё так, господин инспектор. С начала года судья Цзян не только полностью отремонтировал здание нашей государственной школы, но и основал бумажную мастерскую. Теперь наши ученики полностью обеспечены писчей бумагой. Господин судья проявляет к нуждам образования величайшую заботу.

С каждым его словом лица остальных директоров мрачнели всё сильнее. Никакой нужды ни в деньгах, ни в бумаге — ну почему им самим так не везет?

Ведь у директоров государственных школ тоже были свои показатели успешности. Если для уездных судей главным мерилом заслуг был прирост населения, то для директоров школ и

инспекторов образования — число учеников, сдавших государственные экзамены на звание кандидата на экзамен или ученого первой степени!

Сам Хуан Юань в свое время воспитал двадцать учеников, каждый из которых сдал вступительный экзамен. Трое из них впоследствии стали учеными второй степени, а пятеро — учеными первой степени, благодаря чему он сам продвинулся по службе и занял пост инспектора.

Сюй Чэн как преподаватель звезд с неба не хватал, но за его спиной стоял деятельный уездный судья, готовый предоставить всё необходимое по первому требованию. И пусть успехи его учеников оставались весьма скромными, зато жил он припеваючи!

Позавидовав коллеге, присутствующие вдруг осознали суть сказанного. Хуан Юань даже подался вперед, напрочь позабыв о солидности:

— Бумажная мастерская? Но ведь прежнее производство в Шаоюане давно заброшено, из-за чего вам приходилось возить бумагу из Цинчжоу. Неужто в уезде отыскиались умельцы, способные возродить это ремесло?

Сюй Чэн сдержанно улыбнулся, хотя сам, когда впервые увидел эту бумагу, едва не лишился чувств от восторга.

Он неторопливо открыл принесенный с собой сверток. Сидевшие рядом директора тут же вытянули шеи, желая первыми оценить сокровище. Сюй Чэн двигался плавно и бережно, и никто не смел его торопить. Лишь учатившееся дыхание выдавало всеобщее нетерпение.

Бумаги он принес немного. Мастерская уезда Шаоюань только-только начала работу, и вся её продукция уходила на нужды школы да на печать учебных пособий, составленных судьей Цзяном. И всё же принесенного хватило, чтобы раздать каждому из присутствующих по паре листов.

Директор Сюй поднялся и направился к инспектору. Взгляды директоров буквально приковало к его рукам. Они сразу заметили: эта бумага по цвету разительно отличалась от той, что привозили из Цинчжоу!

— Прошу вас, взгляните, господин инспектор, — почтительно произнес Сюй Чэн.

Взглянув на бумагу, инспектор Хуан затаил дыхание. Он тут же велел слуге принести таз с водой, чтобы вымыть руки.

Тщательно вытерев ладони полотенцем, он бережно взял лист и прищурился, разглядывая его на просвет. Волокна были на редкость тонкими, а сам лист отливал мягкой желтизной. Поверхность — безупречно ровная, без единого комочка или соринки. На ощупь бумага казалась нежной, но при этом была на удивление прочной.

— Великолепно! Просто великолепно! — трижды воскликнул пораженный инспектор и залился довольным смехом. Он тут же приказал управляющему раздать бумагу остальным директорам.

— Господа, боюсь, наша поэтическая встреча сегодня превратится в смотр бумаги! Придется мне изменить тему состязания!

Бумага появилась как нельзя кстати, и Хуан Юань был в полном восторге. К тому же производили её здесь же, в префектуре Нанькан — до уезда Шаоюань было рукой подать, от силы полдня пути. Больше не придется томиться в ожидании поставок из далекого Цинчжоу.

Даже если забыть о практической выгоде, одно лишь качество бумаги вдохновляло устроить в её честь отдельное состязание и составить целый поэтический сборник.

Получив заветные листы, директора засуетились. Оценка бумаги, как и туши, требовала особого ритуала: сначала её придирчиво рассматривали, затем ощупывали и лишь под конец пробовали писать, проверяя, годится ли она для живописи или каллиграфии.

Изучив образцы, все пришли к тому же выводу, что и инспектор Хуан. Оставалось лишь сделать последний шаг — коснуться бумаги кистью.

К счастью, к поэтическому вечеру всё уже было готово. Инспектор Хуан повел гостей в беседку, где на столах покоились превосходные кисти и тушь.

Обмакнув кисть, Хуан Юань вывел на листе два иероглифа: «Шаоюань», а затем прижал к бумаге личную печать с киноварной пастой.

Черные и красные штрихи легли безупречно. На бледно-желтой поверхности тушь не расплывалась, позволяя выписывать самые тонкие линии. Идеальная бумага для письма!

Когда же зашла речь о цене, выяснилось, что шаоюаньская бумага стоит на треть дешевле цинчжоуской. При больших закупках сэкономленного серебра хватило бы на содержание целой школы!

Инспектор Хуан щедрым жестом сразу же выписал крупный заказ для всех государственных школ префектуры. Сюй Чэн даже не успел вставить слово о том, что мастерская едва справляется с нынешним спросом, как его тут же окружили взволнованные коллеги.

Все понимали: нужно ковать железо, пока горячо. Если упустить выгоду сейчас, то после подорожания придется кусать локти!

— Господа, стойте... подождите! — взмолился Сюй Чэн.

Но его робкие возражения потонули в шуме голосов. Бумажная мастерская Двух Селений ещё даже внутренние нужды уезда не успела покрыть!

Выслушав этот сбивчивый рассказ, Цзян Умянь едва сдержал улыбку. Ему захотелось наградить Сюй Чэна за столь блестящий успех в торговом деле, но в итоге он просто решил подарить директору еще несколько стоп отборной бумаги.

Рынок сбыта открылся совершенно случайно, и Цзян Умянь не собирался упускать такую возможность. Он принял решение немедленно запустить кампанию по продвижению, которую планировал на будущее.

Судья Цзян поручил управляющему Се Линю пристально следить за работой бумажной мастерской, а также распорядился начать расширение производства и нанять новых рабочих для увеличения объемов.

— Господин, — серьезно возразил Се Линь, — мастерская Двух Селений заработает на полную мощность уже через несколько дней, незачем спешить с расширением и нанимать новых людей. Толпа в таком деле лишь породит лишнюю суету и смуту.

Цзян Умянь покачал головой и указал на сохнувшие во дворе листы бумаги:

— Префектура Нанькан объединяет девять уездов. К Шаоюаню ближе всего три из них, а также сам префектурный город. Вместе с нашим уездом это пять крупных рынков сбыта, которые мы обязаны охватить. Сейчас же мастерская едва покрывает нужды одного лишь Шаоюаня. Бумажники из Цинчжоу не станут сидеть сложа руки. Мы должны громко заявить о себе до того, как они снизят цены, чтобы вытеснить нас с рынка.

Се Линь изумился широте замыслов молодого чиновника. Мастерская Двух Селений только начала делать первые шаги, а господин уездный судья уже нацелился на снабжение всей префектуры Нанькан!

Впрочем, Се Линь разделял эту уверенность. В конце концов, их бумага была столь хороша, что сам инспектор образования префектуры пришел в восторг и перенес поэтическое состязание только ради того, чтобы воспеть её достоинства!

Сердце управляющего забилось сильнее от гордости, и он твердо произнес:

— Я сделаю всё, господин судья, и оправдаю ваше доверие!

Уладив дела в мастерской, Цзян Умянь сел на коня и отправился обратно в город. Путь его пролегал мимо сочно-зеленых заливных полей, где крестьяне как раз проводили первую подкормку всходов.

В уме он прикидывал цифры. Производство цемента и красного кирпича в Шаоюане постепенно достигало своего предела, а значит, объемы выпуска скоро стабилизируются. Когда придет время сводить счета, по бухгалтерским книгам можно будет легко оценить доходы уезда за этот квартал.

Рынок плугов для заливных полей уже насытился. В окрестностях их почти перестали покупать, спрос сместился в сторону аренды, а значит, лавку, торговавшую ими, пора перепрофилировать.

Как только даос Цзинь Бухуань завершит обучение местных мастеров гончарному делу, придется снова тратить казенное серебро — нанимать людей и закупать сырье для обжига фарфора. В бывшем магазине плугов можно будет открыть лавку по продаже посуды. Пока что все эти начинания требовали лишь постоянных вложений без быстрой отдачи. Деньги уходили, точно вода сквозь пальцы.

"Чтобы нажить настоящее богатство, — размышлял Цзян Умянь, — нужно строить верфи и отправлять в море собственные торговые караваны"

Вернувшись в уездный город, он первым делом осмотрел те мастерские, что уже приносили стабильный доход. На кирпичном заводе как раз готовили к открытию очередную печь. Партия ожидалась огромной, огонь в печах в окрестностях города не угасал неделями.

С цементом дела обстояли еще оживленнее. Поскольку генерал Сюэ Вэнь затребовал колоссальное количество строительного материала, здешним мастерам, следившим за жаром в печах, пришлось работать в три смены. Надзиратели строго следили за соблюдением графиков дежурств.

Объемы обжига строго контролировались: для каждой печи был установлен минимальный предел выработки клинкера, а за перевыполнение нормы рабочим полагалась щедрая премия.

Пока солнце не скрылось за горизонтом, судья успел наведаться к руднику.

Заметив приближающегося Цзян Умяня, кузнец Чэнь Даню просиял от радости:

— Приветствую вас, господин судья!

Увидев, что кузнец куда-то собирается, Цзян Умянь спросил:

— Как жизнь на горе?

Чэнь Даню простодушно почесал затылок:

— Всё отлично, господин, жаловаться не на что. Вы как раз вовремя! Вся заказанная вами партия мечей готова. Не желаете ли взглянуть и принять работу?

Даже Цзян Умянь при всей своей сдержанности ощутил, как при виде столь долгожданных новостей у него сильнее забилося сердце.

Идея наладить собственное производство оружия родилась у него сразу же, как только генерал Сюэ Вэнь обустроил здесь военный гарнизон.

Полагаться на ржавеющее в уездных арсеналах старье на случай вражеского вторжения было верхом легкомыслия. Куда надежнее выковать собственное оружие — так и спится спокойнее!

Однако дел у судьи было непростоворот, поэтому, расспросив местных кузнецов, он доверил руководство Чэнь Даню.

Чтобы не навлечь подозрений и скрыть ковку клинков от чужих глаз, официально кузница производила железные плуги, а суматоху у рудника маскировали под прокладку рельсовых путей и движение вагонеток.

И вот труды наконец увенчались успехом!

— Стражники частями перевезут клинки вниз, — произнес Цзян Умянь, заходя на склад и оглядывая ровные ряды холодного оружия. — А с завтрашнего дня уездная управа вывесит указы о наборе в народное ополчение. Будем обучать людей ратному делу в свободное от полевых работ время. Случись беда — и мы встретим врага во всеоружии, а не окажемся беззащитными жертвами, как в прошлые годы.

<http://bllate.org/book/19045/2005025>